

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЯЛКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. Т. Махлина*

В статье на материале фольклора и этнографических данных рассматриваются символические функции прялки (distaff), связанные с пространственными параметрами и реализуемые в повседневной и ритуально-магической зонах русской традиционной культуры.

Ключевые слова: прялка, традиционная культура, семантика, фольклор (русский), повседневность.

Basing on the folklore material and ethnographic data, the author of the article considers the symbolic functions of a distaff connected with space parameters and realised in the everyday and ritual spheres of the traditional Russian culture.

Жизнь человека в традиционном обществе проходила на двух уровнях: на уровне бытовом и на уровне символической реальности. Однако отделить утилитарные и ритуально-магические зоны порой невозможно, в связи с тем что повседневность – обыденность также была пронизана религиозно-мифологическими представлениями и регулировалась обычаями. Ритуализация повседневности охватывала все сферы человеческой деятельности, ее событийный ряд, темпоральное измерение и пространственные параметры. И время, и пространство могли быть охарактеризованы как мужское или женское, свое или чужое, благоприятное или опасное. Разделенность на мужское и женское, заложенная в самой природе человека, поддерживалась мифологией и символикой пола, что проявлялось в распределении трудовых обязанностей и относящихся к ним орудий труда, территориальном разделении. В народном быту прядение – сидение за прялкой составляло немалую часть жизни женщины, особенно в добрачный период. Девушки годами заготавливали пряжу, предназначенную для приготовления свадебных даров родственникам мужа и гостям.

Однако в таком общественном институте, как семья, где один пол дополняет дру-

гой, женщине отводилась не только хозяйственная роль – одевание всей семьи, но и сохранение нравственности. В Библии неоднократно встречаются представления о прядении как о занятии женщин, «мудрых сердцем»¹ – «Добродетельная жена... протягивает руки свои к прялке»². Существует обширная группа песен, которые в разных сборниках классифицируются как «беседные», а иногда как «плясовые». Содержание их примерно одинаково: свекор, свекровь или старый муж запрещают молодой жене идти на игрища, она берет прялку и тайком уходит на супрядку. Когда она возвращается, либо муж бьет ее, либо жена убивает мужа с помощью любовника. Все это изображается в шутливой форме.

Во всех вариантах песен этой группы за небольшим исключением присутствует оппозиция прялки-прядения другим символически значимым элементом текста. Общая схема такова: «...а я, молода, игреливая была: / Прялочку взяла, на сиделочку пошла; / Прясти не пряла, всю ночь провела: / Прялочку под лавочку, сама с милым легла...»³. В различных вариантах, вместо того чтобы пряхать, молодуха на посиделке, помимо того что «с милым легла», «гуляла», «гулять пошла», «гуляла до троих петухов» или просто «не пряла»⁴. На отход от уста-

новленной традицией роли замужней женщины указывает и оппозиция места действия в различных сочетаниях: в беседе – «прялочку *под* лавочку» – загул, измена; «Уж я прялочку *на* лавочку, / Я башмачки под кровать, / сама скок на кровать»⁵ – возвращение в дом.

В традиционном обществе фольклор, так же как и обряд, выполнял функцию регулятора поведения, сохраняя различные исторические напластования. И хотя определить архаичность тех или иных сюжетов песен бывает трудно и даже невозможно, за счет постоянного обновления старых смыслов песни не уходили из употребления. Перестав быть обрядовыми, они переходили на бытовой уровень, продолжая исполнять знаковые функции. Песенный материал предоставляет ценнейшие сведения по символике прялки, иногда являясь единственным источником наших познаний о роли этой объективированной формы в культуре. История о том, как молодая жена пренебрегла ролью и обязанностями добродетельной хозяйки, променяв домашний уют на соблазны вольной жизни, которые ей были уже совсем не по статусу, заменяется одной фразой, смысл которой выражен через культурный термин «прялка», понятный человеку, воспитанному в данной традиции.

В продолжение темы можно указать еще на одну группу песен, в которых жена в отсутствие мужа продает скотину, а на вырученные деньги покупает у заезжих торгашей белила, румяна, сурмила, в конце муж бьет жену. В некоторых вариантах эти песни начинаются такими словами: «Сяду прясть, не прядется / Ездит донце подо мной»⁶ (донце – часть прялки на которой сидит пряха). Фразу «ездит донце подо мной» в рассматриваемом контексте можно трактовать как указание на шаткость нравственных устоев героини песни.

Таким образом, прялка выступала не только как атрибут «добродетельной жены», но символ места женщины в доме в ситуации правильного поведения. В этом ее функция сходна с символической простран-

ственной функцией печи, однако разница в том, что место у печи – место женщины только в пространстве дома, а прялка могла находиться как в доме, так и вне его (за его пределами), но и вне дома она выполняла ту же знаковую роль – женского или девичьего пространства. Согласно существующему обычаю, на вторую неделю после свадьбы молодая забирала прялку из родительского дома и переносила в новую семью⁷. С пространственным фактором связывает Б. А. Рыбаков декоративность русских прялок: прялка приносилась на публичное рассмотрение на посиделках⁸.

Повсеместно отмечается включенность прялки в посиделочные игры и ее активное использование в них. В Псковской губернии супрядка обозначалась как «ходить на прялку»⁹. На супрядки с участием парней, сочетавшие труд и игру, ходили девушки, достигшие возраста невест лет с 15–16. В некоторых местах допускались и девочки помладше на два-три года. Однако положение их было неполноправное, что также выражалось пространственно – они сидели с прялками у порога. Когда одна из старших девушек выходила замуж, ее место занимала одна из младших¹⁰. В некоторых местах прялку занявшей не свое место девушки выкидывали к порогу¹¹.

Супрядка, помимо прочих, выполняла функции, направленные на преодоление, дистанции существующей в жизни как целых групп парней и девушек, так и их отдельных представителей. Более того, на посиделке имело место не только сближение противоположных по своим гендерным признакам объединений молодежи, но и происходило перепутывание ролей и, как следствие, изменение наличествующих в обычной жизни пространственных установлений. Девушки могли занимать мужскую часть избы – передний угол, место за столом, а парни находились на женских местах. Переход в мужскую зону, а также вообще вход парней на посиделку допускался только с разрешения девушек, по особым правилам, что называлось «проситься под

прялку» или «проситься за прялку»¹². В одной из песен девушка приглашает парня: «Сядь за прялку, сядь за прялку, / Сядь за новую мою...»¹³. «Кавалер сядет к моей прялке – весь в пыли и уйдет», – вспоминали участницы посиделочных игр¹⁴. Интересный пример функционального назначения широких лопастей копыльных прялок содержит свидетельство пожилой женщины: на супрядке парни подсаживались к прядущим девушкам, беседовали с ними, целовались, в этих случаях широкая лопасть прялки служила для влюбленных укрытием от посторонних глаз. По этому случаю пелась такая песня: «Моя прялочка широка, / За ней некому сидеть, / Нету парня важного, / А прялка не про каждого»¹⁵.

Можно сделать вывод, что пространственная символика прялки имеет нюансы, зависящие от социального статуса пряжи. Так, если до брака прялка обозначала личное пространство девушки (особенно на посиделке), то после выхода замуж она становилась символом женской несвободы – «привязывания» ее к дому. Внешний вид прялки наглядно демонстрирует эту идею, ее конструктивные части – вертикаль столбца с лопастью соединенная с горизонталью донца (или скамьи) образуют угол – защиту, укрытие (иногда буквально) и вместе с тем ограничение.

Бинарное деление пространства на свое и чужое, конституировавшее наличие враждебного полюса, в то же самое время создавало возможность преодоления враждебности через диалог. Так в песне «Подойду ли я под нов город» девушка, желая расположить к себе новую семью, хочет одарить ее членов различными знаковыми объектами материального мира, украденными у своих родных. Уведенного у батюшки коня подарить «лютому» свекру, унесенную у матушки лисью шубу – свекрови, унесенное у братца седло – «лютому деверю», унесенную у сестры прялочку – «лихой золовухе». Песня отражает завоевательный мотив – повышенную активность девушки, готовность к вступлению в брак, стремление

покинуть родную семью, пойти в «нов город», освоить новое пространство при помощи передачи вещей своей семье, символизирующих хозяйственное благополучие, семье мужа. Интересно, что в тексте этой песни содержатся две противоположные тактики, применяемые героиней по отношению к еще враждебному для нее новому пространству: для того чтобы добиться необходимого результата, она сначала проявляет авторитарность (нападение), затем задаривание (отступление): «...Подойду ли я, / Под нов город я подойду, / Прошибу ли я / Чоботом стену каменну... / Унесу ли я / У милой сестры прялочку, / Подарю ли я / Лихой своей заловушке, / Чтобы до меня / Добры были и ласковы, / Не журили бы / Меня, младу, завсегда»¹⁶.

Обеспечивая себе и своему коллективу нормальные условия проживания, человек вынужден справляться с разнообразными встающими перед ним проблемами, возникающими потому, что он живет в среде, которая одновременно дружественна ему – дает пищу и сырье – и враждебна – таит потенциально угрозу. Всеми известными ему способами человек пытается защититься от внешних врагов и опасностей, будь то стихии, звери люди или сверхъестественные силы и существа. Прялка, прядельный гребень у всех славян использовались в качестве оберега от нечистой силы, порчи, болезней¹⁷. Во Владимирской губернии, чтобы вылечить бессонницу у девочки, под матицу с приговором втыкали прялку с куделью и веретен¹⁸, а в Вологодской губернии маленькую прялку подкладывали в люльку, при этом также произнося заговор¹⁹. Прялка составляла невербальный уровень ритуального обмена в совокупности с акциональным – подкладывание прялки в колыбель и вербальным – заклинательная формула, адресованная различным духам.

Становясь элементом фольклорного или обрядового текста, прялка приобретала свойства знака, с помощью которого осуществлялась коммуникация между индивидами или социальными группами, с

одной стороны, и между человеком или группой людей и различными духами – с другой. Прялка использовалась в обменах вертикального типа между миром людей и миром духов, между вышестоящими и нижестоящими партнерами в социальной иерархии (невестой и членами семьи жениха). Выполняя функцию посредника между субъектом и объектом из чужого про-

странства, прялка использовалась в обрядах как провоцирующей, так и апотропейческой направленности. При этом степень принадлежности прялки своему и чужому менялась, так как сама прялка, будучи сделанной из дерева, могла восприниматься как принадлежащая к своему культурному или к чужому природному пространству.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Библия. Л.: Петергоф, 1990. Т. 1. С. 109.
- ² Библия. Т. 2. С. 78.
- ³ *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 1–7. СПб., Гос. тип. 1895–1902. Т. 3. № 128. С. 101.
- ⁴ Там же. Т. 2. № 520. С. 436; № 521. С. 437; Т. 3. № 129. С. 102.
- ⁵ Там же. Т. 3. № 123. С. 97.
- ⁶ Там же. Т. 7. № 148. С. 147.
- ⁷ Историко-этнографические очерки Псковского края: Монография / Под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. С. 103.
- ⁸ *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. 2-е изд., испр. М.: София, Гелиос, 2001. С. 485.
- ⁹ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 145.
- ¹⁰ Там же. С. 93.
- ¹¹ *Бернштам Т. А.* Прялка в символическом контексте культуры // Сб. МАЭ. XLV. СПб., 1992. С. 23.
- ¹² Там же. С. 23; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 240.
- ¹³ *Криничная Н. А.* Нить жизни (Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях). Петрозаводск, 1995. С. 11.
- ¹⁴ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 93.
- ¹⁵ *Денисова И. М.* Вологодские прялки // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX в. М.: Наука, 2001. С. 797, 835.
- ¹⁶ *Соболевский А. И.* Указ. соч. Т. 2. № 610. С. 513–514.
- ¹⁷ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 116, 394.
- ¹⁸ Славянская мифология. С. 394–395.
- ¹⁹ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 118.